

Часть 1. Маяковский: от пафоса к девальвации

Валерий Отяковский

«Даёшь!»: поэтические мутации раннесоветского мема

Valerii Otiakovskii

«Dayosh»: poetic mutations of early-Soviet meme

Валерий Отяковский

Центр российских и евразийских исследований Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс), постдокторант; PhD
valeriotiakovskii@gmail.com

Ключевые слова: «Даёшь!», мем, поэтика лозунга, Маяковский

УДК 82-91

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_99

В годы Гражданской войны слово «даёшь» перестало быть частью матросского аргумента и вошло в литературный язык, начиная с 1920-х многие поэты обращались к нему как к безусловному маркеру раннесоветских лет, которое ярче всего воплощало риторику этого периода. Выразительность лозунга закономерно привлекала внимание создателей новой поэзии — раннесоветские авангардисты и пролетарские авторы имели в виду адресата, который доселе не учитывался в русской поэзии, новые стихи должны были достигать до главных героев эпохи и лозунг был отличным средством для этого.

Valerii Otiakovskii

PhD, Postdoctoral Fellow at the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University (Cambridge, Mass.)
valeriotiakovskii@gmail.com

Keywords: «Dayosh», meme, poetics of slogan, Mayakovsky.

UDC 82-91

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_99

During the Civil War, the word «dayosh» ceased to exclusively be a part of sailor's slang and suddenly entered the literary language. Many poets used it as a mark of the early Soviet epoch. The expressiveness of the slogan attracted the creators of new poetry, the avant-garde and proletarian authors who wanted to speak with new audience. These new poems were supposed to catch the attention of the main heroes of the era of October Revolution, and the slogan was an excellent tool for this mission.

Политические конфликты, от акций протеста до революций, влекут за собой изменения в составе языка. Частным случаем такого изменения являются лозунги, возникающие в той или иной ситуации социального напряжения. Фразы типа «Под булыжниками мостовой — пляж!» или «Вы нас даже не

представляют» не являются универсальными формулами, они привязаны к моменту своего создания и живут как исторические, историзируемые микротексты. Изучение жизни лозунга с момента создания возможно в рамках как истории мемов, так и микроистории политического воображаемого.

Лозунги содержат в себе то, что сегодня называют *утопическим импульсом*, который переводится на язык слов, всегда утрачивая что-то. Всякий перевод утопического импульса есть его искажение, деформация, и тем не менее — и это представляет для нас первостепенный интерес — этот импульс все равно в лозунге присутствует. Здесь важно иметь в виду, что под утопическим импульсом не следует понимать какую-то безнадежную абстракцию; это всего лишь указание на чаяния, надежды и мечты, которые люди пытаются выразить привычными языковыми средствами, но которые далеко не всегда находят в языке адекватное для себя выражение¹.

Эта статья посвящена истории одного лозунга, точнее истории его поэтических интерпретаций. Лозунг этот — «Даёшь!»².

По разнообразным свидетельствам современников, это слово³ проникло в литературный язык в годы Гражданской войны, быстро став настоящим мемом (я использую этот термин приблизительно в том же смысле, что и А.А. Долинин⁴). Корней Чуковский в начале 1920-х составлял список новых слов и включил в него «даёшь»⁵. Виктор Шкловский в неопубликованной при жизни статье «Всеволод Иванов» писал: «Во время революции изменился русский язык. Появились новые слова, сперва их даже запрещали, сердились на слова “даёшь”, “братва”, “косая”»⁶. Он же отметил и почти мгновенную апроприацию лозунга официальным дискурсом: «Дальше, путем создания новых ассоциаций по смежности, новое слово стало почтенным не менее прежнего, и слово “даёшь” приобрело даже оттенок официальности»⁷. В романе 1924 года «Рвач»

1 Петровская Е.В. Больше, чем слова: О границах семиотической интерпретации лозунгов // Синий диван. 2012. № 17. С. 133–134. Курсив автора.

2 Статья является частью коллективного историко-литературного проекта, инициированного А.А. Россомахиним: в рамках проекта будет предпринята попытка проследить историю всей советской эпохи сквозь призму слова «даёшь». Изначально статья базировалась на материалах поэтического подкорпуса НКРЯ, но в процессе работы источниковая база разрослась в несколько раз по сравнению с корпусом. Особую роль в этом процессе сыграла интернет-библиотека *ImWerden*, создателю которой Андрею Никитину-Перенскому я с удовольствием приношу свою благодарность.

3 Лингвистическую характеристику императива «даёшь» и попытку его исторической атрибуции см.: Соколова О. Императив *даёшь* как маркер интенсификации иллюкутивной силы в советском политическом дискурсе // Сборник Матице српске за славистику. 2021. № 99. С. 265–291. В. Колесов считал, что моряцкий лозунг — это «искаженное в русском произношении английское *do yes*» (Колесов В.В. Язык города. М.: Высшая школа, 1991. С. 37), но эта точка зрения явно нуждается в дополнительной аргументации.

4 См.: Долинин А.А. «Гибель Запада» и другие мемы. Из истории расхожих идей и словесных формул. М.: Новое издательство, 2020.

5 Рукописный альманах Корнея Чуковского «Чукоккала» / Предисл. И. Андронникова. М.: Искусство, 1979. С. 227.

6 Шкловский В.Б. Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / Предисл. А.П. Чудакова, коммент. и подгот. текста А.Ю. Галушкина. М.: Советский писатель, 1990. С. 283.

7 Там же.

Илья Эренбург характеризует «патетический крик» как «знаменитое словечко, из похабного прыгнувшее в героические, рожденное разбушевавшейся молодостью людей и чувственным лаконизмом революции»⁸. «Даёшь» — один из маркеров раннесоветской эпохи, в этом слове кроется вполне исчерпывающая характеристика этих лет. Один из важных источников по истории советского новояза так определяет мем: «ДАЁШЬ, *междом., кого-что* (нов. простореч. из матросского арго). Восклицание в знач.: мы требуем кого-что-н., давай устрой что-н., добьемся чего-н. (часто употр. в политических и др. лозунгах)»⁹. Все перечисленные в словарной статье признаки — и «новое», и «просторечие», и «из матросского арго» — закономерно привлекали поэтов, искавших язык для общения с массами (рабочими, матросами, красноармейцами).

Насколько нам известно, первым литератором, употреблявшим «даёшь» в поэзии, был пролетарский писатель Александр Поморский (подчеркну моряцкий псевдоним, настоящая фамилия — Линовский), автор книг революционных стихов с эстетскими названиями «Песни борьбы и печали» (1917) и «Цветы восстания» (1919). На последний из этих сборников, выдержавший впоследствии девять изданий, написал сдержанно-комплиментарную рецензию Андрей Белый, заметив:

...в поэзии Александра Поморского ритм, что трава, прорастает наружу, сквозь тротуарные плиты заезженных слов, налагающих печати банальности на воплощения его мирочувствия в слове; обилие слов как «культ», «гимн», еще не суть образы, а фельетонные выражения; и строчки, как подобные строчкам: «и новый культ зажгу пред новым алтарем» суть проза, плакат, платформа, лозунг, что хотите, но не поэтический образ¹⁰.

Весьма показательно, как символист оказывается не готов признать за лозунгом и плакатом статус художественного высказывания. Для Поморского же принципиально обратное — он начинает исследовать художественные возможности лозунга с первых дней революции. Августом 1917-го помечено стихотворение «Демобилизация», в котором еще не уловлена специфичная грамматическая форма услышанного от солдат императива, он по привычке употребляется в глагольной форме: «Ты, чурбан бородатый, / поезд скоро даёшь?»¹¹ — это свидетельство того, что лозунг используется в армии еще до октябрьского переворота. Однако уже ноябрьское стихотворение 1917-го «Матросский ветер» вмещает в один стих сразу два слова, отмеченных Шкловским как новые: «Широкий вечер / Рассыпал дождь, / И все на свете / Братве даёшь!» (далее в стихотворении также упоминается: «Балтийское море — / Черный клеш. / Смольный, / Раздольный, / Рвется в дождь. / Ловкими / винтовками / в ночь: / Зимний / Дворец / даёшь!»)¹². К 1919-му Поморский оттачивает использование лозунга и создает стихотворение, которое можно прочесть как экфрасис агитплаката:

8 Эренбург И.Г. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М.: Художественная литература. 1991. С. 281.

9 Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935. С. 648.

10 Белый А. <Рец. на:> Александр Поморский. Цветы восстания // Горн. 1918. № 1. С. 85.

11 Поморский А.Н. Стихи. М.: Гослитиздат, 1935. С. 42.

12 Там же. С. 43–44.

Бури, громовыми глотками,
ропотом, ветер, тучи рви!
У оврага в солдатских обмотках
матрос расстрелянный — большевик.
На груди загорелой — синий якорь;
сжались в злобе кисти руки!
Окровавленной мордой собака
растаскивает его на куски.
Эти руки ранили
сердце белое — черный окоп;
от Кронштадта до Казани
из Сибири на Перекоп.
Этой грудью могучей
через море — зеленый клош,
ты бросал охмелевшим тучам:
«Даёшь!»¹³

Ощущение плакатности стихотворения создается богатой колористикой: «загорелой», «синий», «окровавленной», «белое», «черный», «море», «зеленый». Единственное слово, которое вложено в уста героя, — «Даёшь», оно его полнотой описывает, и эта языковая скупость также соразмерна плакату.

Другой автор, быстро осознавший художественный потенциал лозунга, — моряк и чекист Федор Богородский, некоторое время примыкавший к футуристам, а впоследствии ставший советским художником-соцреалистом. Его стихотворение «Даёшь», названием которого была позже озаглавлен дебютный поэтический сборник, было впервые опубликовано в 1918 году:

...В расстрелах я упорно точен —
я — полуграмотный матрос,
и для меня простой рабочий
дороже, чем больной Христос.
Фуражка вломана в затылок
и шпалер всунут в брюки-клош...
Какая огненная сила
в девизе пламенном «Даёшь!»¹⁴

Автор, воспевая харизму государственного насилия и беззакония, возведенного в принцип, — находит для него в виде формулы именно моряцкое слово. В предисловии к сборнику он объясняет: «Даёшь! — специфическое матросское слово. <...> Даёшь шамать (есть)? Даёшь братишка! Даёшь, берешь, огребашь! — звучит анархограбительно, но по существу это выражение лишь веселый символ независимости и отчаянной удали»¹⁵.

13 *Поморский А.Н.* Революция на ладони. М.; Л.: Гудок, 1924. С. 49–50. Известен и другой вариант стихотворения — без упоминания лозунга и с заглавием «После расстрела».

14 Первая публикация стихотворения выявлена Оксаной Замятиной и Леонидом Большухиным в эфемерной газете-листочке «Братва», которую, по-видимому, следует датировать 1918 годом. Благодарю коллег за указание на этот источник.

15 *Богородский Ф.С.* Даёшь! Как будто стихи. М.: Госиздат, 1922. С. 2.

В 1921 году опубликована «историческая повесть» А. Соленика¹⁶ «Двое»¹⁷ — рассказ о дружбе красноармейцев, написанный подражанием онегинской строфе, где каждая строфа пронумерована и сопровождается заглавием. Батальные сцены этой небольшой повести обязательно сопровождаются выкрикиванием лозунга:

11. ОРЛЫ СИЛЬНЕЕ

Кишит борьба в громах и столах —
Никто не хочет уступать.
Но вот число людей в погонах
Заметно стало убывать.
— Дае-ешь!.. Ливенцам могилы...
Еще напор, еще нажим
И... старый ломится режим
Могучей грудью юной силы.
Дорогу ей, преступный род!
Шагает мщенье-народ.
Горит весь мир в громах пожаращ,
Встает могучее «товарищ»,
И безвозвратно, навсегда
В могилу лезет «господа».

12. ПОБЕДА

Отряда Ливена остатки
В смертельном ужасе бегут, —
Сверкают плечи, шпоры, пятки,
Как будто стадо гонит кнут.
— Даёшь, даёшь!.. Смирнов хохочет,
Кидаясь бешено в догон.
Даёшь... хоть в руку ранен он...
И пушка вдалеке грохочет:
— Даёшь, гу-ух, гу-ух!.. Но вдруг
Какой-то свист, какой-то звук...
Нога Смирнова отлетела,
И повалилось наземь тело.
Виталий видел все. Дрожит
И к другу в ужас бежит¹⁸.

Перечисленные ранние опыты «даёшь»-поэзии объединяет прежде всего социологический фактор: эти авторы схожи и происхождением, и статусом красноармейца в момент революции. Однако почти синхронно с пролетарскими авторами активный интерес к лозунгу проявляют авангардисты — недаром сборник Поморского 1922 года сопровождается послесловиями Велимира Хлебникова, Василия Каменского и близкого к ним в ту пору Сергея Спасского.

16 Предположительно, Антон Францевич, красноармеец и политработник.

17 За указание на это издание благодарю И.Ю. Веницкого.

18 Соленик А. Двое: Историческая повесть. Пг.: Изд. петроградских командных курсов, 1921. С. 28–29.

Особенно важно в этом контексте имя Хлебникова, который, быстро поняв семантическую объемность лозунга, использовал его сразу в нескольких произведениях. Во-первых, он встречается в небольшой зарисовке «На глухом полустанке» (1921), заканчивающейся строкой «Рок, улыбку даёшь?»¹⁹: слово занимает сильную позицию текста, завершая его. Другой случай употребления лозунга — это четверостишие, с некоторыми изменениями повторяющееся в двух разных текстах. Последние строки XVIII плоскости свержения «Зангези» (1922) выглядят так: «Если в пальцах запрягался нож, / А зрачки открывала настезью мечь, / Это время завывало: “Даёшь!” — / А судьба отвечала послушная: “Есть!”»²⁰, а в незавершенной поэме «Минин — нижегородец...» (1922), создававшейся незадолго до «Зангези» и ставшей основой для XVIII плоскости, можно прочесть следующее: «Если в пальцах запрягался нож, / И глаза отворила настезью мечь / Это три в пятой степени завывало — даёшь? / И убитый ответил убившему: есть!»²¹. В хлебниковской нумерологии операция 3^н устойчиво связывается с материей времени, истории. На всех стадиях осмысления лозунга «даёшь» для Хлебникова — голос Времени, и эта абстракция находит свое конкретное воплощение в поэме «Ночной обыск» (1921). В ней говорится об отряде чекистов, которые проводят «шмон», расстреливают нескольких человек, а затем один из них произносит длинную богохульную речь. И расстрелы, и эта инвектива в сторону Бога предваряются строкой «Даёшь в лоб, что-ли», которая становится одним из стержней большой поэмы, скрепляющих воедино массив текста. Отмечу, что герои поэмы — не просто чекисты, но именно моряки: «Эй, море, налетай! Налетай орлом! / — Даёшь? / Давай, сколько влезет!»²².

Вслед за Хлебниковым поэтические возможности лозунга начинают осваивать другие авангардисты. Василий Каменский публикует «Песню рабочих» (1923), в которой вчерашние красноармейцы оказываются за станком. Последняя строка «Даёшь работу! По “Ноту”!»²³ выбивается из ритмического строя, будучи «пристегнутой» к последнему четверостишию, оно является уже не частью художественно-ритмического пространства, а напрямую говорит с читателем языком газетной передовицы. Алексей Кручёных пишет «Мороженницу богов» (1923), повторяющую антирелигиозный пафос «Ночного обыска». Олицетворение старого мира вопрошает: «Что же на место любви?» — и получает в ответ: «Солидарность удара! Даёшь!»²⁴. Сергей Третьяков в своем послании «Молодежи», написанном вскоре после Гражданской войны, вспоми-

19 Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. Р.В. Дуганова. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 336.

20 Там же. Т. 5. С. 341. А.Е. Парнис отметил в этих строках отсылку к «Русской революции» М. Кузмина, опубликованной после февральских событий 1917 года: «Помните это начало советских депеш, / Головокружительное: “Всем, всем, всем!” / Словно голодному говорят: “Ешь!” / А он, улыбаясь, отвечает: “Ем”» (цит. по: Парнис А.Е. Хлебников в дневнике М.А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века / Сост. и ред. Г.А. Морева. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1990. С. 160). Благодарю Александру Пахомову за указание на эту работу.

21 Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. С. 377.

22 Там же. Т. 4. С. 84.

23 Каменский В.В. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 114.

24 Кручёных А.Е. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. С.Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 2001. С. 294.

нает о том, как появилось витальное словечко: «Было — ревели ядра / Армий щетинился еж. / Был до созвездий задран / Крик ножевой — даёшь!»²⁵. Как и в других текстах, лозунгу здесь придается значение почти стратегическое, пропаганда приравнивается к штыку. В одном из теоретических выступлений Третьяков, активно боровшийся за функциональность литературного труда, писал:

Наше время перед работниками, делающими агитацию словом, ставит ответственную задачу обработки лозунга. Обработанный лозунг становится своеобразной канонической литературной формой, вроде того как в быту 18 и начала 19 века существовала эпиграмма (впоследствии отмершая)²⁶.

Лозунг, как и любая «промежуточная литература», становится самостоятельным жанром, и уже в этом статусе соединяется с другими. Причудливым гибридом звучит название стихотворения Третьякова «Марш-плакат» (1923), и этот текст, построенный вокруг рефрена «Даёшь Октябрь!»²⁷, сочетает установку и на произносимость, и на визуальность, одновременно является кричалкой и транспарантом.

Агитационная песня становится важной областью применения мема — Каменский пишет «Марш пионеров» (1924) с тем же лозунгом «Октябрь даёшь»²⁸, отмечаются в жанре лефовские ученики Семен Кирсанов с «Красноармейской разговорной» (1923) и Николай Асеев с «Песней ударных бригад» (1930). Эти два текста хорошо показывают, как отличается «даёшь» в конце и начале десятилетия: у более позднего Асеева это вполне предметный приказ «даёшь напор что надо!»²⁹, а ранний Кирсанов не нагружает призыв конкретной семантикой, он вполне самодостаточен и вмещает все богатство возможных смыслов: «С ружьем, гад, / с ножом, гад, / и тут, брат, / встаешь: — / Стой, гад, / ни с места, / даёшь!..»³⁰ (эти строки явно отсылают к XVI плоскости «Зангези»).

Большую известность обрел «Марш Буденного» (он же: «Мы — Красная кавалерия») на слова Анатолия Д'Актиля, который был написан около 1923 года. Рефрен «Даёшь Варшаву!», отсылающий к событиям Советско-польской войны и надеждам на Мировую революцию, уже после Д'Актиля нередко будет всплывать как альтернативная «морской» версия лозунга — см., например, рассказ Бабеля «Чесники» (1924), картину Павла Соколова-Скаля «Даёшь Варшаву» (1929) и пр. Попытке взять Варшаву посвящена и поэма Льва Гордона «Двести десять», в которой одна из четырех глав выглядит так:

25 Третьяков С.М. Итого: Собрание стихов и статей о поэзии / Сост. и коммент. Д. Карпов. М.: Рутения, 2019. С. 187.

26 Третьяков С. Обработка лозунга (к заданию ЦК Пролеткульта для Октябрьских торжеств) // Формальный метод: Антология русского модернизма. В 3 т. / Под ред. С. Ушакина. Т. 2: Материалы. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 221. В очерке «Записная книжка. Оценка художественного оформления десятиоктября» Третьяков противопоставляет авангардное употребление лозунга бюрократическому: «Мы — лефы — говорили: “даёшь улучшение”, — наши противники: “даёшь украшение”» (Там же, с. 246).

27 Третьяков С.М. Итого. С. 182–183.

28 Русская поэзия — детям / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.О. Путиловой. Т. 2. СПб.: Академический проект, 1997. С. 163–165.

29 Асеев Н.Н. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1963. С. 224.

30 Кирсанов С.И. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. М.Л. Гаспарова; сост., подгот. текста и примеч. Э.М. Шнейдермана. СПб.: Академический проект, 2006. С. 32.

.....

 ... Даёшь! ...
³¹.

Этот прием поэта, далекого от авангардизма, явно должен визуализировать транспарант с популярным лозунгом³². Апогей военного потенциала лозунга был достигнут поэтом-революционером Е. Бражневым в поэме «Поход» (1920), которая посвящена красноармейским походам, — их успехи отмечаются в тексте провозглашением лозунга: «Даёшь Варшаву!», «Даёшь Севастополь!», «Даёшь Кавказ и Сибирь!», «Даёшь родину»³³, слово венчает военные успехи и утверждает Советскую власть в захватываемых пространствах. Уже на излете 1920-х была написана песня Александра Поморского «Дальневосточная» (1930), и в ней уже видно, как революционная агрессия сменяется охранительством: «Прицелом точным / Врагу — упор! — / Дальневосточная, / Даёшь отпор!»³⁴.

Усиливающаяся милитантность мема ярко сигнализирует о том, как быстро он начал усваиваться официальным дискурсом. О том же свидетельствует и внимание к лозунгу кремлевского поэта Демьяна Бедного. В обличительном памфлете «Прощай, белогвардейская жизнь!» (1930) он изображает речь вредителей протяженным полузаумным шипением: «Даёшь-ш-ш-ш кан-с-с-серь-вы!»³⁵, это нечастый для советских поэтов пример вложения «Даёшь!» в уста негативного персонажа. Кроме того, Бедный написал длинное стихотворение «О соловье» (1924), направленное против формалистов и Мейерхольда, в нем сатирик пишет: «Обзавелися мы “советским”, “красным” снобом, / Который в ужасе, охваченный ознобом, / Глядит с гримасою на нашу молодежь / При громовом ее — “даёшь!” / И ставит приговор брезгливо-радикальный / На клич “такой не музыкальный”»³⁶. В некотором смысле наблюдение Бедного соответствовало истине: лозунг действительно стал маркером советскости не только для симпатизантов режима, но и для его оппонентов.

В 1926 году Георгий Адамович писал из эмиграции:

Самая постановка возражения-обвинения — «вы оторваны от России» — обнаруживает такую бездну наивности и дерзости, что просто руки опускаются. Кто кому в этих делах судия? Кто знает, оторван ли другой от России, забыл ли он ее? Где признаки — красный паспорт в кармане, или словечки «даёшь», «на ять», «что надо», или всхлипывания да причитания «Русь моя, матушка, Рассеюшка, уж вот как я тебя люблю, вот уж как помню»? Если бы действительно Россия только в этом и выражалась, то, надо признаться, не грех было бы от нее и отречься. К счастью нашему, это не так³⁷.

31 Гордон Л.С. Оттепель: Первая книга стихов. Берлин: Меркур, 1924. С. 56.

32 О Гордоне и рецензии Набокова на его дебютный сборник см.: Долинин А.А., Утгоф Г.М. Неизвестная рецензия Набокова // Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. С. 209–255.

33 Пролетарские поэты первых лет советской эпохи / Вступ. ст. и сост. З.С. Паперного; подгот. текста, биогр. справка и примеч. Р.А. Шацевой. Л.: Советский писатель, 1959. С. 348–358.

34 Поморский А.Н. Стихи и песни. М.: Молодая гвардия, 1936.

35 Бедный Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1954. С. 14.

36 Там же. Т. 3. С. 162. См. также название его стихотворения 1934 года «Даем!!».

37 Адамович Г.В. Литературная сторона // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 2. М.: Дмитрий Сечин, 2015. С. 386.

В эмиграции лозунг именно что ненавидели, из ряда примеров можно указать «фиги с маслом “Даёшь кредит!”» из юморески Саши Черного³⁸, а также рассказ Гайто Газданова «Великий музыкант» (1931), герой которого вспоминает «радостно-исступленный крик: “Даёшь!..”, — сопровождаемый ругательствами — с богом, и какой-то “юбкой богоматери”, и архангелами, и апостолами»³⁹. Емкое поэтическое воплощение эти эмоции нашли в стихах Софии Прегель, которая эмигрировала во время Гражданской войны:

В ту зиму страшную, когда следы
Разбитых дорог назойливо чернели,
И люди беззащитные пьянели
И плакали от запаха еды,

Тогда таинственен и невесом
Стал мир вещей. Врывался ветер в клетки,
И выстрелы гудели на рассвете,
И лед стонал под серым каблуком.

В ту зиму темную мороза нож
Вонзался в сердце, раны холодели,
И черное катилось по панели,
Глухое и солдатское: даёшь!⁴⁰

Хватало, впрочем, противников лозунга и внутри страны: Пантелеймон Романов называл его «гнусным словечком»⁴¹, персонаж Ефима Зозули «потрясал свободным кулаком и кричал, бессмысленно подражая фронтовым красноармейским выкрикам: — Даёшь бани!..»⁴², а в одной из новелл Даниила Хармса представитель карательных органов, «человек в черном пальто», решает судьбу героев мрачным указанием «Даёшь на улицу»⁴³. Георгий Шенгели в цикле сонетов о Гражданской войне рисует портрет «Провокатор»: «На мальчугана римского похож, / Остряк, знаток вина, стихов, блондинок — / Он щеголял изяществом ботинок / И пряностью матросского “даёшь!”»⁴⁴.

К середине 1920-х «даёшь» уже слабее воспринималось как морское слово, оно прочно вошло в узус, а если и связывалось с какой-то социальной группой, то группой этой были комсомольцы, которые символически наследовали Крас-

38 Черный С. Меню дипломатического завтрака, которым чествовал в Берлине канцлер Лютер тов. Чичерина // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1996. С. 129.

39 Газданов Г. Великий музыкант // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 2009. С. 235.

40 Прегель С.Ю. Полдень. Стихи: Третья книга стихов. Париж: Современные записки, 1939. С. 54.

41 Романов П.С. Без черемухи / Сост., предисл. и примеч. С.С. Никоненко, ил. Н.В. Смирнова. М.: Правда, 1990. С. 313.

42 Зозуля Е.Д. Мастерская челоуеков и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения. Одесса: Пласке, 2012. С. 180.

43 Хармс Д.И. Помеха // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. СПб.: Академический проект, 1997. С. 148.

44 Шенгели Г.А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Резвого; биограф. очерк В.Э. Молодякова. Т. 1. М.: Водолей, 2017. С. 404. Сонету дана двойная датировка: 1920-й и 1933-й. О проблемности определения точной даты см.: Там же, С. 605.

ной армии, но боевой пыл должны были применять на трудовом фронте (ср. «Песню рабочих» Каменского). Важнейшим комсомольским автором двадцатых был Александр Безыменский, поэма которого «Комсомолия» стала одним из главных бестселлеров десятилетия, ее звучное название быстро переключалось на страницы газет, став общеупотребимым понятием⁴⁵. «Даёшь» дважды упоминается в этом тексте, а затем еще раз — в стихотворении об одном из создателей комсомола «Петр Смородин» (1923). Комсомольская коннотация станет одним из самых устойчивых признаков «даёшь», пережив даже развал самого комсомола⁴⁶.

Поэтический вес лозунга на протяжении первого революционного десятилетия изменился — модное словечко, в начале бывшее синонимом революции, так истаскалось плакатчиками, ораторами, журналистами и поэтами, что его использование превратилось в штамп. Показательным примером тому служит издательская судьба сразу нескольких стихотворений. «С письмецом» (1924) Кирсанова⁴⁷, «Ход коня» (1926) Дон-Аминадо⁴⁸, «Песня о дирижабле» (1930) Михаила Исаковского⁴⁹ — эти очень разные произведения объединяет тот факт, что при первой публикации они содержали в названии лозунг: «Жили когда-то грамоты без, теперь, ребята, даёшь ликбез!», «Даёшь коняку» и «Даёшь советский дирижабль» соответственно. Яркие газетные названия уже через несколько лет при републикации кажутся их авторам штампованными, вместо витальности чувствуется официоз, и ярко заряженное слово исчезает из заглавия.

Возможно, по той же причине слово не пользовалось популярностью у главных поэтов русского модернизма, чей дебют и первая слава пришлись на дореволюционные времена. Анна Ахматова, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Борис Пастернак едины в том, что избегали «даёшь» в своих стихах, у Сергея Есенина оно лишь единожды упоминается в «Анне Снегиной» (1924). Зато авторы, подъем которых начинается в конце 1910-х, наоборот, редко обходятся без него, будь то Илья Сельвинский, Эдуард Багрицкий, Иосиф Уткин или Борис Корнилов. Огромный вклад в «даёшь»-поэзию сделал главный герой советской поэзии, до сих пор не упомянутый.

* * *

В 1928 году Лидия Гинзбург записала следующий анекдот:

Чуковский рассказывал Боре <Бухштабу>, как Маяковский писал в Одессе «Облако в штанах» и читал Корнею Ивановичу наброски. Там был отрывок, который начинался: «Мария, отдайся!».

45 См.: *Россомахин А.А.* Запрещенный бестселлер, или Самая знаменитая поэма 1920-х: история публикаций, изъятия и забвения // «Комсомолия» Телингатера / Безыменского: Шедевр конструктивизма и запрещенный бестселлер. Репринтное издание. Комментарии и исследования / Сост. и коммент. М.С. Карасик и А.А. Россомахин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 45–69.

46 См. в недавнем стихотворении: «Помню заводские перегрузки, / Наше комсомольское “даёшь!”» (*Орлов А.В.* Бабушка // Дружба народов. 2020. № 5. С. 161–162).

47 *Кирсанов С.И.* Стихотворения и поэмы. С. 34–37.

48 *Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. В.И. Коровина. М.: ТЕРРА, 1994. С. 124–125.

49 *Исаковский М.В.* Стихотворения / Вступ. ст., сост. и примеч. В.С. Бахтина. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 121–122.

— Что вы! — сказал Чуковский. — Кто теперь говорит женщине «отдайся»? — просто «дай!».

Так Маяковский создал знаменитое: Мария, дай.

Что осталось от генезиса этих стихов из похабной фразы Корнея. И никакого тут снижения, о котором так любят толковать. Пафос!⁵⁰

«Дай» и «даёшь», конечно, разные императивы, но их объединяет эротический флер, в полной мере присущий анализируемому лозунгу. Ирония над этой двусмысленностью встречается и в поздних стихах Павла Зальцмана («В дверях пивнушки / Две шевелюшки. / Айда, парнишки, / Даёшь?» «Даёшь»»⁵¹), и, например, в прозе Андрея Платонова: «На вокзальной улице ей попался неизвестный поздний человек и, приостановившись, спросил у Лиды: “Даёшь?” Она ответила: “Нет, я все отдала уже”, — и человек прошел мимо»⁵². Лозунговый пафос легко смешивается с вожделием, утопический импульс — с насилием, а политика с сексом. Эти конфликты в высшей степени свойственны творчеству Маяковского, составляют самую плоть его стихов⁵³, и поэтому нет ничего удивительного в том, что именно он стал самым активным автором рассматриваемого корпуса, лозунг «Даёшь» встречается в двадцати девяти его поэтических текстах⁵⁴.

Одним из первых появлений императива стала ода «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского» (1923). При публикации в журнале «ЛЕФ» ее тексту было предпослано посвящение «Л.Ю.Б.», которое вызвало недовольство критики именно тем, что личная жизнь автора вторглась в пространство агитации⁵⁵. В поэме впервые среди напечатанных стихов Маяковского появился анализируемый лозунг: вопль нуждающейся страны «Даёшь железо» становится как бы катализатором обнаружения громадных залежей руды под Курском, открывшихся в критичес-

50 Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 402.

51 Зальцман П.Я. Сигналы страшного суда: Поэтические произведения / Сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. И. Кукуя. М.: Водолей, 2011. С. 316.

52 Платонов А.П. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Время, 2011. С. 497. Повесть «Хлеб и чтение».

53 «“Вы думаете, я пишу пером?” — “А чем же?” — “Вот чем. — Маяк хлопнул себя между ног. — Пока я влюблен, я пою... Нет любви, нет и стихов”» (Карпов П. Пламень. Роман. Русский ковчег. Книга стихотворений. Из глубины. Отрывки воспоминаний / Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. С. Куяева. М.: Художественная литература, 1991. С. 322).

54 Нельзя не отметить и общее тяготение Маяковского к императивности: «Домой!», «Долой!» и пр. В этом контексте стоит вспомнить и изданный в 1915 году журнал «Взят», название которого является как бы реверсивным предчувствием «Даёшь», также двусмысленно связанным с сексуальным насилием. Л. Брик вспоминала: «Стали собирать первый номер журнала. Имя ему дали сразу “Взял”. Володя давно уже жаждал назвать кого-нибудь этим именем: сына или собаку, назвал журнал» (цит. по: Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Ред. А.Е. Парнис. М.: Советский писатель, 1985. С. 115–116; за указание благодарю А.А. Россомахина).

55 См.: Чужак Н.Ф. Кривое зеркало. Леф в преломлении «ЛЕФа» // Октябрь мысли. 1924. № 2. С. 44. См. также: Дядичев В.Н. Поэма Маяковского «Рабочим Курска...»: к истории создания и рецепции // Фотомонтажный цикл Юрия Рожкова к поэме Владимира Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду...»: Реконструкция неизданной книги 1924 года. Статьи. Комментарии / Сост. и коммент. А.А. Россомахин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. С. 7–19.

кий момент. Повторяющийся крик становится заклинанием: «на восстанье наше, / на желанье, / на призыв / двинулись / земли низы» (т. 5, с. 154). До этого мем появлялся лишь в незаконченном черновиговом наброске с рефреном «Даёшь Варшаву» (т. 13, с. 143), который, скорее всего, предназначался для «Окон РОСТА». Полуготовая агитка примечательна как свидетельство очень раннего обращения поэта к новому слову, это 1920 год.

Следующие после «Рабочим Курска...» употребления «даёшь» мы находим в двух текстах 1925 года — стихотворении «Даёшь мотор!» (т. 6, с. 131–136) и поэме «Летающий пролетарий», в завершающей части которого раздается призыв «Даёшь небо!» (т. 6, с. 361, этой строчкой была озаглавлена отдельная публикация отрывка поэмы в журнале «Красная Нива»). Лозунги связаны с обширной агитационной кампанией советской авиации, начавшейся вскоре после окончания Гражданской войны. В 1923 году Маяковский делает серьезный вклад в ее популяризацию — он пишет «Авиачастушки» (т. 5, с. 83–84), «Авиадни» (т. 5, с. 85–86) и еще ряд стихотворений на ту же тему. Видимо, в том же году был провозглашен и лозунг «Даёшь мотор», запечатленный сразу в нескольких плакатах 1920-х годов и названии упомянутого стихотворения.

Впрочем, в первое десятилетие советской власти Маяковский не так часто использует мем — к уже упомянутым случаям можно добавить лишь два мелких рекламных лозунга для Мосполиграфа и Моссельпрома (т. 5, с. 271, 289). А вот к концу жизни императивное восклицание становится постоянным признаком стихов Маяковского. В 1927 году он пишет три таких текста, в 1928-м — тринадцать, в 1929-м — семь, и за три месяца 1930-го успевает написать еще два. При этом лозунг почти не появляется в поэмах, не появляется в любовной лирике, не появляется — кроме нескольких черновиков — в заграничных стихах. То есть в тех текстах, которые составляют канон позднего Маяковского, «даёшь» встретить почти нельзя, за несколькими исключениями эта императивность присуща стихам на злобу дня, агиткам и рекламе.

Наверное, самым известным из текстов такого рода стало стихотворение «Даёшь изящную жизнь!» (т. 8, с. 35–38), сатирический памфлет о тех, кто в новом обществе мечтает жить по старым правилам. Здесь, — в общем-то, нетипично для себя — Маяковский саркастично использует лозунг, вкладывая его в уста тех, кто пытается ухватить ускользающий нэпманский образ жизни. (Второй подобный пример — «визг осатанелый / Ура Милюкову! Даёшь Дарданеллы» (т. 8, с. 167) в стихотворении «Иван Иванович Гонорарчиков», в остальных случаях мем используется если и с иронией, то все-таки без сарказма⁵⁶). В серии докладов, озаглавленных «Даёшь изящную жизнь», поэт продолжал громить новое советское мещанство:

Заграничная «мода» проникает уродливыми потеками в советский быт и кое-где успевает подмочить крепкие устои идеологии нашей молодежи. С этим нужно бо-

56 Безусловно, был присущ Маяковскому и автопастиш. М.К. Розенфельд вспоминает, как поэт являлся в редакцию «Комсомольской правды» за гонораром: «И тогда Владимир Владимирович направлялся к Чарову в кабинет с огромной своей палкой, стучал этой палкой о стол: “Даёшь, Чаров, деньги!” И Чаров побаивался, косился на эту палку и выписывал деньги» (Цит. по: «Разговор с фининспектором о поэзии» Владимира Маяковского: Факсимильное издание. Исследования. Комментарии / Сост., науч. ред. А.А. Россомахин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 105).

роться решительно и беспощадно. Если мы объявляем классовую войну мировой буржуазии, если ее миру мы противопоставляем свой, то эту враждебность нужно сохранить до конца, во всем, сверху донизу. То, что проникает в наш быт из-за границы, заключает в себе микробы разложения. Товар, проникающий контрабандой из-за рубежа и уродливо воспринимаемый нами, подтачивает твердые устои нашего быта, вызывает нотки общественной пассивности, будирует половую распущенность и стремление к «изящной жизни». Не нужно нам этой изящной, красивой жизни, таящей в себе, микробы разложения. Давайте будем стремиться к красоте жизни, созданной нашими собственными руками, воспитанной и выросшей в наших условиях, с нами неразрывной! (т. 12, с. 500)⁵⁷.

Традиционно в конце таких докладов Маяковский отвечал на записки слушателей, которые очень по-разному относились к предложению трансформаций повседневности⁵⁸. Чаще зал был пассивно-агрессивен («Что сделал Леф в борьбе с “изящной” жизнью? Какие результаты?», «Что делать тем, которые рождены более изящными, чем Вы?..»), но находились в нем и те, кто был заинтересован проблемой («Скажите, кто или что создает новый быт и быт вообще?», «Какими путями вы думаете искоренять обывательщину?»). Некоторые слушатели видели у повседневных проблем истоки более общего характера («Каким образом в стране с преобладающим мелко-буржуазным населением может быть пролетарский быт?»).

Выступления поэта вполне закономерно вызвали столь бурное обсуждение — сворачивание НЭПа не ознаменовалось переходом к коммунизму, а отдельные эксперименты по устройству нового общежития оставались авангардистскими эксцессами. Диалектический прыжок мог совершиться лишь напряжением миллионов индивидуальных волей, которым требовалось побуждение, поэтому вполне закономерно, что императивные «даёшь» позднего Маяковского подчинены некоторому общему сюжету о построении новых форм быта.

Поэт призывает к серьезным сдвигам, разжиганию нового порыва на фронте борьбы за общественные изменения: «Даёшь / работу / высшего качества» (т. 10, с. 210), «даёшь / внимание / культурной спартакиаде» (т. 9, с. 330), «Даёшь / обученного кадровика» (т. 10, с. 208). Поскольку стремление к коммунизму построено на научных началах, он обращается к ученым, видя в них главный двигатель прогресса: «Даёшь — / изобретения, / даёшь — / науку, / вооружающие / пролетарскую руку» (т. 10, с. 110), «Хитрую химию, / ученый, / даёшь» (т. 9, с. 167), «Даёшь / для опытов / лаборатории» (т. 9, с. 243), «Даёшь / на дружбу руку, / товарищ агроном» (т. 10, с. 25). Смывка рабочего и ученого, с одной стороны, дает новые рекорды: «Пролетарий, / даёшь / земным недрам / новейшую технику / и социалистический энтузиазм» (т. 10, с. 197), а с другой — уничтожает буржуазные пережитки: «Изобретатель, / даёшь / порошок уни-

57 В карикатуре Кукрыниксов на этот доклад высмеян мещанский быт самого Маяковского (см. подробнее: Там же. С. 113).

58 Приводимые записки цитируются по оцифрованным копиям из фондов Государственного музея В.В. Маяковского: URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/museums?id=2615>. Стоит указать также записку, которая свидетельствует о том, что читатель-современник ощущал неожиданность сатирического употребления лозунга и пытался систематизировать его употребление: «Скажите! слово “даёшь” в Ваших произведениях нужно всегда понимать как отрицание, т.е. долой или только в стихе “Даёшь изящную жизнь”».

версальный, / сразу / убивающий / клопов и обывателей» (т. 9, с. 221). При этом, поскольку наука стоит на службе общества, она должна быть нацелена на то, что поэт формулирует как «Даёшь материальную базу!» (т. 10, 147–149), то есть, по сути, это то же «Даёшь изычную жизнь!», но классово верное. Маяковский указывает на конкретные детали быта, нуждающиеся в улучшении: «Даёшь хлеб!» (т. 9, с. 10–12), «Даёшь автомобиль» (т. 9, с. 315–316), «Даёшь, Моссовет, театр нам» (т. 9, с. 66) и даже «Даёшь, / госорганы, / прочные, / впору / красивые носки» (т. 9, с. 326). В этой агитационной машине находится место и писателю, который должен критиковать как недостатки повседневной жизни — «Даёшь / рецензии / на произведения / сапожной и колбасной» (т. 9, с. 182), — так и стремительно устаревающую буржуазную культуру: Маяковский красноречиво озаглавливает театральную рецензию в стихах девизом «Даёшь тухлые яйца!» (т. 9, с. 56–59). Наконец, с помощью мема он поучает поэта, как следует работать фактовику: «Если герой — / даёшь имя! / Если гнус — / пиши адреса!» (т. 9, с. 101), «Уберите этот торт! / Стих даёшь — / хлебов подвозу. / В наши дни / писатель тот, / кто напишет / марш / и лозунг!» (т. 10, с. 113).

Императив используется Маяковским в довольно широком контексте, как бы концентрируя все содержание агитационной поэзии. Он заключает в себе целую программу развития общества, объединяя важнейшие группы населения (рабочие, ученые и писатели). Этой группе стихов присуще то, что Ю. Левин называл «лозунговым универсумом», «общий хронотоп агитационно-лирического художественного пространства»⁵⁹. Лозунг объясняет, в каком направлении должно двигаться общество, и нет ничего удивительного в том, что функция ликбеза выдвигается на первое место в рекламе журнала с символическим названием, состоящим из лозунга: «Верхоглядство — / брось! / “Даёшь” / зовет / знать / наскрозь / свой / завод!» (т. 10, с. 198).

Мем постоянно выделяется Маяковским в сильной позиции текста, оказывается риторически подчеркнут. Во-первых, мы это видим в стихотворениях, которые повторяют структуру басни: после притчевой части, состоящей из вымышленной сценки или пересказа газетного сюжета, следует мораль, которая озвучивается не одним из действующих персонажей, а голосом автора. Впрочем, и категория автора здесь как будто не совсем уместна — «Даёшь» скорее произносится от лица некоего общества, воображаемого коллектива, в котором социалистический баснописец лишь выступает рупором. «Подобная установка порождает коллизию, характерную для всей постреволюционной лирики Маяковского: жажда стать “голосом всех” — и невозможность этот общий голос сделать своим»⁶⁰.

Другой распространенный у Маяковского прием вынесения «даёшь» в сильную позицию — использование лозунга в заголовке стихотворения. Почти все подобные примеры уже были названы выше, однако остается еще один — стихотворение, которое при первой публикации в журнале «Даёшь» называлось «Даёшь и даёшь», а при поздних перепечатках было переименовано автором просто в «Даёшь» (т. 10, с. 122–123). Этот текст — одна из самых важных точек

59 Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 551–556.

60 Большухин Л.Ю., Александрова М.А. Лирический герой Маяковского. Феномен «незавершенности». М.: ВШЭ, 2022. С. 146.

«даёшь»-поэзии, его сюжет напрямую связан с концептуализацией лозунга как стержня раннесоветской истории: стихотворение начинается с воспоминания о днях революции, когда лозунг покоряет, «обвивает» столицу и изгоняет «белого гада» — слово обладает магической силой, само по себе служит мощным оружием, которого никогда не было в прежней, дореволюционной России. И именно это заклинание уже после войн и революций помогает в строительстве советской индустрии (ср. с «призывом» из «Рабочим Курска...»). Главный пафос стихотворения — связь революции исторической с революцией быта, здесь борьба за власть рифмуется с борьбой за новый мир, указывается на тождественность средств, которыми достигаются цели советской утопии. На такую высоту «даёшь» еще ни разу до этого не поднималось.

Действительно, если сравнить тексты Маяковского со стихами предшественников, то можно увидеть, как другие поэты боятся присваивать себе ярко заряженное новое слово; чаще они используют его в целях репрезентации — Поморский вкладывает его в уста убитого большевика, Соленик — красноармейцев, Хлебников — то времени, то расстрельного отряда. Федор Богородский, может, единственный, кто не стесняется использовать его от первого лица, поскольку основным сюжетом его стихов является именно собственная «моряцкость», в этом смысле примечательно послесловие Спасского к его сборнику, в котором говорится, что стихи Богородского «плохи и нецельны»⁶¹, но интересна фигура их автора⁶².

Проследить, как быстро меняется социальная закреплённость лозунга, можно на примере стихотворения Александра Жарова 1921 года, герою которого присуща уже не раз замеченная «даёшь»-поэтами революционная лаконичность: «Словно под говор акаций / Гикнуть: даёшь! — и лететь. / Жизнь на коне промчаться! / И на коне умереть». При многочисленных републикациях 1920-х оно называлось «Конноармеец»⁶³, и такое название недвусмысленно портретно, объектно, изображает кого-то другого. При более поздних перепечатках, когда и образ Конармии, и слово «даёшь» потеряли предметную ощутимость, стихотворение стало печататься под названием «На коне», и такой вариант намекает уже на субъектный, мемуарный характер стихотворения, именно этот вариант вошел в итоговое собрание сочинений⁶⁴. Процесс сплавления военного, комсомольского и литературного Жаров описывает в песне «Все мы теперь краснофлотцы» (1926): «Ребята, будь смелей, / Плы-ви вперед бодрей! / Даёшь всесветный гимн / Коммуны мировой! / Даёшь, даёшь, даёшь! / Эй-я! / Рупор наш — комсомольские глотки, / Песни — брызг буревых серебро. / наших мыслей подводные лодки / Сеют взрывов рокошущий гром!»⁶⁵.

61 Богородский Ф.С. Даёшь! С. 31.

62 Интересно, что Спасский почти дословно повторяет оценку одного из рецензентов «Облака в штанах»: «Стихи ли это? Едва ли. Но это не очень далеко от них и часто интересно. Кроме того, тут — свое лицо, и оно любопытное» (цит. по: Большухин Л.Ю., Александрова М.А. Указ. соч. С. 18).

63 Например, см.: Жаров А.А. Строй: Стихи. М.: Молодая гвардия, 1926. С. 41–43.

64 Жаров А.А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1980.

65 Красноармейский песенник. М.: Государственное музыкальное издательство, 1934. С. 40. В авторских сборниках и собраниях сочинений Жарова дан другой вариант песни под заголовком «Все мы матросы» и без припева с лозунгом. За помощь в поиске именно этого варианта я благодарю Б. Бабкина.

Для того, чтобы уверенно пользоваться императивом, нужен определенный символический вес — такой, каким, несомненно, обладал Маяковский, стремившийся сплавить в этом слове индивидуальное и коллективное. Он сделал его нормативной поэтической фигурой, позволив дальнейшим поэтам эпигонить, пародировать и переосмысливать один из самых витальных мемов 1920-х годов. Если до Маяковского речь идет скорее о независимых опытах с «языком революционной эпохи» (А. Селищев), то после конца 1920-х авторы, использующие лозунг в стихах, подключаются еще и к существующей традиции внутри «литературного ряда» («Даёшь» Я. Смелякова (1957), «Отцы и сыновья» Б. Слуцкого (1975) и еще десятки примеров вплоть до наших дней — например, «Даёшь!» Д. Быкова* (2006)).

Почему же Маяковский так активно обращается к лозунгу в конце жизни? Напомню, что больше всего стихов с «даёшь» написано им в 1928 году. В это время перед поэтом маячила реальная перспектива потери контакта с аудиторией и партией, знаком чего стала выставка «20 лет работы» в феврале 1930 года, проигнорированная представителями власти⁶⁶. Стихи с объединяющим лозунгом «даёшь» призваны солидаризировать Маяковского с народом, а значит, и снова с партией. В предшествующие годы необходимость в подобной солидаризации отсутствовала — собственный авторитет и без того ощущался автором, который испытывал свободу не только *призывать*, но *приказывать*. Приказ вообще был особым поэтическим жанром русского авангарда, бурно цветшим в послереволюционное семилетие вплоть до 1924 года⁶⁷. Эпатажное утверждение самого себя является одним из главных жестов для поэта-будетлянина — приказы писали и Хлебников, и Каменский, еще в «Пощечине общественному вкусу» (декабрь 1912-го) декларировалось: «...мы приказываем чтить права поэтов»⁶⁸. Как и в случае с «Даёшь», главным автором корпуса поэтических приказов является Маяковский — широко известны «Приказ по армии искусств» (1918) и «Второй приказ по армии искусств» (1921), но есть и черновики к поэме «Пятый интернационал», где Маяковский описывает как прорывается через «сторядие» кремлевской стражи, врывается к Ленину и заявляет: «Сегодня я пред / Совнаркома» (т. 4, с. 306).

Конечно, подобное было немыслимо в сталинскую эпоху, и замещение приказа лозунгом оказывается симптомом поэтического кризиса, сигналом компромисса. В пост-ленинской реальности императивность слов Маяковского постепенно снижалась, а сам автор деградировал до фигуры из мемуа-

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

66 Предисловие к гектографированному каталогу выставки акцентировало особое внимание именно на лозунговой работе поэта: «Митинговая речь, фронтовая частушка, агитка-однодневка, живой радиоголос и лозунг, мелькающий по трамвайным бортам, — равные, а иногда и ценнейшие образцы поэзии. <...> Газета, плакат, лозунг, диспут, реклама, высокомерно отстраиваемые чистыми лириками, эстетамы, — выставлены как важнейший род литературного оружия» (т. 12, с. 211).

67 См.: Приказ Реввоенсовета № 279 «К пятилетию Красной Армии». С иллюстрациями Юрия Анненкова. Уничтоженное издание 1923 года Антология авангардистских приказов и декретов 1917–1924 годов. (Приказ как литературный жанр: от футуристов до ничевоков) / Сост. и науч. ред. А. Россомахин СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

68 Там же. С. 9.

ров Юрия Анненкова, в которых описывается сцена, где рыдающий Маяковский признается: «я уже перестал быть поэтом <...> Теперь я <...> чиновник...»⁶⁹. Скорее всего, эта сцена — вымысел Анненкова⁷⁰, но сама возможность такого конструкта показательна. Размышления о причинах самоубийства автора ведут именно к подобным образам, и так же легко представить другую фантастическую сценку: если бы под конец жизни Маяковскому в руки попала записная книжка студентки Лидии Гинзбург, он мог позвонить Чуковскому и сказать, что уместнее всего в советское время читать соответствующее место «Облака в штанах» так: «Мария, даёшь!»

Литература / References

- Большухин Л.Ю., Александрова М.А. Лирический герой Маяковского. Феномен «незавершенности». М.: ВШЭ, 2022.
(Bolshuhin L. Yu., Aleksandrova M. A. Liricheskij geroj Majakovskogo. Fenomen «nezavershennosti». Moscow, 2022.)
- Галушкин А.Ю. Из разговоров с Виктором Шкловским // Галушкин А.Ю. «Интересна каждая жизнь...»: О русской литературе первой трети XX века: Избранные статьи и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 89–235.
(Galushkin A. Yu. Iz razgovorov s Viktorom Shklovskim // Galushkin A. Yu. «Interesna kazhdaya zhizn'...». O russkoy literature pervoy treti XX veka: Izbrannye stat'i i materialy. Moscow, 2021. S. 89–235.)
- Долинин А.А. «Гибель Запада» и другие мемы. Из истории расхожих идей и словесных формул. М.: Новое издательство, 2020.
(Dolinin A. A. «Gibel Zapada» I drugie memi. Iz istorii rashozhikh idey I slovesnih formul. Moscow, 2020.)
- Долинин А.А., Утгоф Г.М. Неизвестная рецензия Набокова // Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. С. 209–255.
(Dolinin A., Utgof G. Neizvestnaja recenzija Nabokova // Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. P. 209–255.)
- Дядичев В.Н. Поэма Маяковского «Рабочим Курска...»: к истории создания и рецепции // Фотомонтажный цикл Юрия Рожкова к поэме Владимира Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду...»: Реконструкция неизданной книги 1924 года. Статьи. Комментарии / Сост. и коммент. А.А. Россомехин. СПб.: Изда-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. С. 7–19.
(Djadichev V. N. Poema Majakovskogo «Rabochim Kurska...»: k istorii sozdanija i recepcii // Fotomontazhnyj cikl Jurija Rozhkova k pojeme Vladimira Majakovskogo «Rabochim Kurska, dobyvshim pervuju rudu...»: Rekonstrukcija neizdannoј knigi 1924 goda. Stati. Kommentarii. Saint Petersburg, 2014. P. 7–19.)
- Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Ред. А.Е. Парнис. М.: Советский писатель, 1985.
(Katanjan V. A. Maykovsky: Hronika zhizni i dejatel'nosti. Moscow, 1985.)
- Колесов В.В. Язык города. М.: Высшая школа, 1991.
(Kolesov V. V. Yazyk goroda. Moscow, 1991.)
- Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 542–558.

69 Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: цикл трагедий: В 2 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. С. 207.

70 Ср., однако, слова Шкловского в старости: «В конце жизни своей Маяковский уже говорил: “Я уже не писатель, я писец”»; «Маяковский говорил мне, что из него сделали кустаря (см. выше) (в разных интерпретациях — бухгалтера)» (цит. по: Галушкин А.Ю. Из разговоров с Виктором Шкловским // Галушкин А.Ю. «Интересна каждая жизнь...». О русской литературе первой трети XX века: Избранные статьи и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 204, 213).

- (Levin Yu.I. Semiotika sovjetskikh lozungov // Levin Yu.I. Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika. Moscow, 1998. S. 542–558.)
- Парнис А.Е. Хлебников в дневнике М.А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века / Сост. и ред. Г.А. Морева. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1990. С. 156–165.
- (Parnis A.E. Hlebnikov v dnevnike M. A. Kuzmina // Mihail Kuzmin i russkaja kultura XX veka. Leningrad, 1990. P. 156–165.)
- Петровская Е.В. Больше, чем слова: О границах семиотической интерпретации лозунгов // Синий диван. 2012. № 17. С. 133–138.
- (Petrovskaja E.V. Bolshe, chem slova: O granicah semioticheskoj interpretacii lozungov // Sinii divan. 2012. № 17. P. 133–138.)
- Россомыхин А.А. Запрещенный бестселлер, или Самая знаменитая поэма 1920-х: история публикаций, изъятия и забвения // «Комсомолия» Телингатера / Безыменского: Шедевр конструктивизма и запрещенный бестселлер. Репринтное издание. Комментарии и исследования / Сост. и коммент. М.С. Карасик и А.А. Россомыхин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 45–69.
- (Rossomahin A.A. Zapreshhennyj bestseller, ili Samaja znamenitaja poema 1920-h: istorija publikacij, izjatija i zabvenija // «Komsomolija» Telingatera / Bezymenskogo: Shedevr konstruktivizma i zapreshhennyj bestseller. Reprintnoe izdanie. Kommentarii i issledovanija. Saint Petersburg, 2018. P. 45–69.)
- Соколова О. Императив *даёшь* как маркер интенсификации иллюкутивной силы в советском политическом дискурсе // Сборник Матице српске за славистику. 2021. № 99. С. 265–291.
- (Sokolova O. Imperativ *dayosh* kak marker intensifikatsii illokutivnoy sily v sovjetskom politicheskom diskurse // Zbornik Matitse srpske za slavistiku. 2021. № 99. S. 265–291.)